

Цивилизационное измерение структурирования обществ*

Руслан Браславский

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190005
E-mail: r.braslavsky@socinst.ru

Владимир Козловский

Доктор философских наук, директор Социологического института РАН-филиала ФНИСЦ РАН
Профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190005
E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru

Цивилизационный подход в современной социологии направлен на прояснение отношений между социальной структурой и культурой, институтами и акторами. Цивилизационное измерение структурирования современных обществ фокусируется на раскрытии сложных взаимодействий между цивилизационным паттерном и социальной структурой. В центре внимания оказывается исторически определенная комбинация интерпретативных моделей и институциональных рамок, в которых разворачивается социальная динамика обществ. основополагающей предпосылкой цивилизационного анализа в социологии является отказ от любых разновидностей одностороннего редукционистского, будь то социального или культурного детерминизма. Ключевыми становятся моменты различения, автономии и контингентности в переплетении структурной, институциональной, культурной сторон социального взаимодействия. Базовыми концептами цивилизационного измерения структурирования обществ являются: а) определение способа дифференциации и интеграции сфер общественной жизни; б) установление основополагающих норм и «долговых обязательств» для основных институциональных сфер; в) построение социетального центра и установление его взаимоотношений с периферией; г) конструирование коллективных идентичностей; д) формирование порядков социальной стратификации и общественного разделения труда; е) саморепрезентации и стратегии социополитических элит, а также их практики управления. Ключевые аспекты цивилизационного структурирования общественных формаций выделяются и рассматриваются на примерах имперского и советского периодов истории российского общества. Современные общества в цивилизационном измерении представляют собой сочетание: а) унаследованных цивилизационных традиций (часто с их собственными предвосхищениями модерна); б) воспринятых в ходе межцивилизационных контактов культурных и институциональных влияний «других» традиций и реакций на них; в) вырабатываемых и наследуемых собственных или заимствуемых и навязываемых извне артикуляций и видений проблематики цивилизации модерна, некоторые из которых получают значение универсальных образцов.

Ключевые слова: цивилизационное измерение, цивилизационные паттерны, социальная структура, культура, власть, социальные институты, элиты, множественные модальности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01254.

Цивилизационный анализ представляет собой широкий спектр интеллектуальных усилий различных школ, групп и отдельных ученых с различными, подчас диаметрально противоположными подходами к решению фундаментальных теоретических проблем¹. В одних направлениях подчеркивается автономный и детерминирующий характер социоструктурных изменений или технологических инноваций, ведущих к возникновению и дальнейшей эволюции цивилизации. В других акцентируется конституирующая роль культурных факторов в цивилизационном устройении. В одних подходах в центре анализа оказываются базовые институциональные матрицы, отношения между экономикой и политикой, конфигурации институтов собственности и власти и соответствующие им типы социальной стратификации. В других внимание фокусируется на анализе сопряжения интерпретативных и институциональных паттернов, констелляциях культуры и власти, особое значение придается взаимосвязи религиозных и политических структур при относительном игнорировании экономической сферы.

В статье основное внимание уделяется раскрытию эвристического потенциала социологической парадигмы цивилизационного анализа и возникшей в ее русле теории множественных модерностей для объяснения и понимания структурирования современных обществ. Ее ключевыми представителями являются такие классические и современные фигуры, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Н. Элиас, П. А. Сорокин, Б. Нельсон, Ш. Эйзенштадт, В. Каволис, Й. Арнасон, Т. Хафф, Б. Виттрок, П. Вагнер, Э. Тирикьян, Р. Коллинз. Этот ряд имен может быть продолжен. В современной российской социологии можно выделить две наиболее разработанные в концептуальном отношении и реализованные в эмпирико-теоретических исследованиях российского общества версии цивилизационного анализа: одна принадлежит О. И. Шкаратану, другая — Н. И. Лапину (Шкаратан, 2015; Лапин, 2015а, 2015б). Примечательно, что ни в одном из этих случаев цивилизационный анализ не является исходной концептуальной рамкой исследования, а встраивается в более традиционные для социологического теоретизирования парадигмы: структурно-функциональную (О. И. Шкаратан) и модернизационную (Н. И. Лапин).

Конвенциональная социальная онтология различает три «аналитических» измерения социальной реальности: «структурно-организационное», «институционально-регулятивное» и «культурно-символическое». Большинство исследователей сходятся также в выделении трех основных «субстанциальных» сфер общественной жизни (или «социальных арен», если использовать менее привыч-

1. Возможный перечень основных направлений цивилизационного анализа в социальных науках включает в себя: 1) стадийно-эволюционистские теории цивилизации и политогенеза; 2) теории процесса (процессов) цивилизации; 3) институциональные теории многолинейного развития цивилизации; 4) теории локальных цивилизаций, культурных суперсистем и стилей; 5) теории цивилизаций как регионов, мир-систем и сетей взаимодействия; 6) социологические теории цивилизационных комплексов и множественных модерностей; 7) цивилизационный дискурс-анализ (анализ цивилизационного дискурса в конструировании коллективной идентичности и памяти) (Браславский, 2012: 36–37).

ный термин Ш. Эйзенштадта), определяемых как экономика, политика, культура и выступающих доменами богатства, власти и смысла соответственно. Существуют различные теоретические позиции по вопросу о соотношении между собой названных «измерений» и «доменов». Для социологии как научной дисциплины конституирующим был структурно-институциональный способ анализа, в котором культуре, рассматриваемой в качестве «измерения» или «сферы» общественной жизни, отводилась роль зависимой от более «реальных» факторов. Цивилизационный анализ в социологии исходит из принципа культурной автономии и представляет собой одну из радикальных версий «культурной социологии» (в программном значении, придаваемом этому термину Дж. Александером), в которой культура выступает независимой переменной, вносящей в формирование социальных действий и институтов «не меньший вклад, чем более материальные и инструментальные силы» (Александер, Смит, 2010: 12–13).

Цивилизационное измерение обществ

Ш. Эйзенштадт ввел в социологический анализ понятие «цивилизационного измерения человеческих обществ», под которым понимал «комбинацию онтологических или космологических видений... с определением, конструированием и регулицией главных арен социальной жизни и взаимодействия» (Eisenstadt, 2000a: 2). Весьма схожим образом другой социолог — В. Каволис определял цивилизацию во множественном числе как «сочетание крупных социальных институтов и символических структур, которые в результате длительного исторического развития соединились друг с другом как компоненты целостного эмпирически данного образования» (Ерасов, 2001: 72). В приведенных определениях двух социологов явным образом подчеркиваются культурные и институциональные рамки социальной жизни. Однако следует отметить, что в определении Эйзенштадта речь идет не о цивилизациях как неких самодостаточных социоисторических тотальностях наибольшего пространственно-временного охвата в духе «метаисторической» традиции цивилизационного анализа (Arnason, 2001a), или теории «локальных цивилизаций», представленной в трудах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Боркенау, А. Кребера, Р. Кулборна, К. Квигли, Ф. Бэгби, О. Андерле, С. Хантингтона, а о «цивилизационном измерении обществ». Понятие «общества» (во множественном числе) в данном контексте включает в себе не только указание на базовую единицу социологического анализа, но и традиционную для социологического видения отсылку к структурно-организационным основаниям социального взаимодействия. Таким образом, цивилизационный анализ как социологическая парадигма фокусируется на «взаимопереплетении структурных аспектов социальной жизни с ее регулятивным и интерпретативным контекстом» (Eisenstadt, 2000a: 1). При этом ни одна из сторон этого трехстороннего взаимодействия не детерминирует другие. Важнейшей предпосылкой современной социологической версии цивилизационного анализа является отказ от любых разновид-

ностей одностороннего редукционистского, будь то социального или культурного, детерминизма и акцентирование моментов различения, автономии и контингентности в соотношении структурного, институционального и культурного измерений социоисторических конфигураций.

Цивилизационный анализ представляет собой культурно чувствительный и исторически ориентированный подход к социальной реальности, восполняющий дефициты традиционного для социологии структурно-институционального способа анализа «модерных» или «модернизирующихся» обществ. Выдвинутая Ш. Эйзенштадтом концепция «цивилизационного измерения обществ» подвергается критике многие теоретические допущения, долгое время определявшие дисциплинарный образ социологии, как чрезмерно ограничивающие социологическое видение. Наряду с вышеотмеченным постулатом социального (социоструктурного) редукционизма и детерминизма это относится и к постулату «методологического национализма». Данное Эйзенштадтом определение «цивилизационного измерения» удерживает в аналитическом фокусе традиционную для социологии базовую единицу социальной реальности, обозначаемую понятием «общество», но помещает ее в более широкие, выходящие за рамки отдельных обществ региональные и глобальные социальные и культурные контексты и их конstellляции.

В развитие данной линии теоретизирования Й. Арнасон, используя классические и современные источники (М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, Ш. Эйзенштадт, Б. Нельсон, К. Касториadis и др.), разработал идеальный тип (аналитическую модель) цивилизационных формаций, в котором выделил две стороны: 1) интерпретативно-институциональную и 2) пространственно-темпоральную (Arnason, 2001b). Комбинации интерпретативных моделей и институциональных структур обозначаются термином «цивилизационные паттерны», а их воплощения в конкретных пространственно-временных формациях — термином «цивилизационные комплексы». В том случае, когда два или более цивилизационных комплекса особенно тесно взаимосвязаны через общие источники происхождения и/или интенсивные взаимодействия, они образуют «цивилизационную конstellляцию» (Arnason, 2010: 179).

В отличие от теории локальных цивилизаций, представленной главным образом в трудах историков и культурных антропологов, в социологической версии цивилизационного анализа подчеркиваются не гомогенность и внутренняя согласованность, а гетерогенность, амбивалентность и антиномичность культурных предпосылок цивилизационных формаций. Культурные ориентации цивилизаций не программируют институциональное устройство обществ, а скорее формируют общую культурную *проблематику*, предполагающую множественность различных и часто противоречивых артикуляций и интерпретаций, некоторые из которых могут выкристаллизоваться в сравнительно стабильные культурные модели (Арнасон, 2017: 63). В «метаисторической» теории локальных цивилизаций акцент делался на континуальности и закрытости цивилизаций, что, скорее, может рассматриваться не как базовая модель, а как описание некоего предельного случая

цивилизационной структуры и динамики или как один из полюсов характеристик соответствующих переменных в идеально-типической модели цивилизационных формаций. Отличительными характеристиками социологической цивилизационной парадигмы являются отказ от эндогенных и инерционных моделей развития, выделение и подчеркивание цивилизационных трансформаций, «прорывов», инноваций и роли межцивилизационных взаимодействий (encounters) (Arnason, 2001a, 2001b). Цивилизации трактуются не как ограниченные структуры, а как взаимопроникающие сети со своими центрами и перифериями (Collins, 2001: 421).

Концепция «цивилизационного измерения» придает цивилизационному анализу статус аналитической перспективы на социоисторическую реальность в целом, а не предметной (отраслевой) теории об определенном классе эмпирических образований, именуемых «цивилизациями». Таким образом, в перспективе цивилизационного анализа становится возможным анализировать социальные феномены разного уровня и масштаба, выявляя, а не постулируя их цивилизационную релевантность. Проявленность «цивилизационного измерения» может существенно варьироваться в разных конкретно-исторических ситуациях и для разных социальных феноменов, и определение степени и форм этой проявленности составляет каждый раз задачу эмпирического исследования. Э. Дюркгейм и М. Мосс писали о «неодинаковом коэффициенте распространения и интернационализации» социальных феноменов, составляющих тот или иной цивилизационный комплекс (Durkheim, Mauss, 1998: 153). По аналогии можно было бы говорить и о «неодинаковом коэффициенте» вклада тех или иных социальных/культурных феноменов в конституирование, поддержание и изменение цивилизационного паттерна.

Исследование конкретного феномена или случая в цивилизационном анализе может осуществляться в двух направлениях. В одном из них исследование подчинено задаче идентификации цивилизационного паттерна, описания «встроенности» рассматриваемого феномена в структуру цивилизации. Выбор этого подхода становится практически predetermined, если исследователь становится на точку зрения холистского детерминизма, согласно которому цивилизация представляет собой в высшей степени когерентную и закрытую систему, каждый элемент которой полностью детерминирован совокупностью других элементов или «запрограммирован» ее «ядром», образуемым организующими принципами системы. В этом случае исследование конкретного феномена может принять односторонний и иллюстративный характер, за что критиковался, например, структурный функционализм, представляющий собой одну из версий холистского детерминизма.

Безусловно, социальная жизнь людей протекает в определенном образом структурированных контекстах, однако как сами эти контексты, так и паттерны дифференциации и интеграции для разных контекстов и между разными контекстами не даны с полной очевидностью практическому и теоретическому сознанию акторов. «Конфигуративная» точка зрения, в отличие от холистского детерминиз-

ма, акцентирует моменты произвольности и контингентности, отказывается от использования чрезмерно «жестких», конструирующих когерентные образы схватываемой реальности понятий «система» и «структура» в пользу более «гибких», нагруженных процессуально-реляционными и контингентно-релятивистскими коннотациями понятий, таких как «конфигурация», «конstellация», «фигурация», «комбинация», и ориентирует исследователя на идентификацию паттернов в смещениях множественных и разнообразных элементов.

В другом — исходящем из концепции цивилизационного измерения — направлении исследования не системная тотальность цивилизации, а анализируемый феномен как таковой во множестве своих взаимосвязей вне какой-либо априорно заданной координации между ними, сохраняет свое центральное значение в качестве объекта изучения. При таком подходе интерпретативно-аналитическая стратегия исследования следует фрейму не «элемент — целое», а «объект — контекст». Это не исключает, а лишь релятивизирует и ограничивает использование понятия «система» по отношению к социоисторической реальности: «системные образцы» могут возникать, а могут и не возникать в определенных обстоятельствах. При этом проблематизируется отношение между цивилизационным контекстом и конкретными феноменами. «Цивилизационное измерение» является не единственным ракурсом, в котором может анализироваться тот или иной социальный или культурный феномен. Релевантность цивилизационного анализа изучаемому объекту в конкретных социоисторических условиях его существования выявляется в ходе предметных исследований. В то же время концепция цивилизационного измерения, придающая понятию цивилизации прежде всего статус аналитической категории, позволяет оба отмеченных направления, в которых может развиваться исследование, совмещать по схеме герменевтического круга, или, лучше сказать, «герменевтической спирали» (Тисельтон, 2011: 20).

Социальная жизнь определяется не только цивилизационными основаниями, но и рядом других факторов. Значение некоторых из них в жизни современных обществ таково, что многие исследователи вообще ставят под сомнение применимость плюралистической версии цивилизационного анализа к эпохе современности в целом, считая ее глобальным «постцивилизационным» состоянием, либо к отдельным группам существующих обществ. К одной из таких групп относятся постколониальные общества, образованные европейскими переселенцами в чрезвычайно асимметричном взаимодействии с местным населением на разных континентах (США, Бразилия, Австралия, ЮАР — наиболее показательные случаи подобного рода) (Wagner, 2011: 98–100). Другую группу составляют общества, имеющие гораздо более длительную историю, но прошедшие через несколько веков последовательных волн модернизационных трансформаций, к числу которых принадлежит, в частности, и Россия (Wagner, 2010: 54–55).

Цивилизационный анализ и модернность

В рамках социологической традиции цивилизационного анализа на концептуальный вызов «модерности» были даны два ответа, и оба были инициированы работами Эйзенштадта. Один — теория *множественных модерностей*, получившая весьма широкое признание и дальнейшее развитие в трудах целого ряда исследователей; другой — менее разработанная по сравнению с вышеназванной теорией концепция *модерности как новой особой цивилизации*, которой пока было уделено гораздо меньшее внимание в социологическом сообществе (Арнасон — тот, кто подчеркивает ее недооцененное эвристическое значение) (Eisenstadt, 2000b, 2001).

Теория множественных модерностей исходит из того, что понятие модернизации как перехода от традиционности к модерности недостаточно для понимания социальной и культурной динамики современных обществ. Во-первых, традиционность и модернность не взаимоисключают друг друга, как это предполагается дихотомией «традиционное общество — современное общество». Традиции являются фактором модернизации любого общества. В то же время, с точки зрения данной теории, разнообразие культурных и институциональных форм современных обществ не может быть отнесено всецело на счет влияния исторически сложившихся цивилизационных традиций или институциональных матриц, т. е. объяснено исключительно культурной и/или институциональной зависимостью от прошлого пути (так называемым «эффектом колеи»). Традиции, с одной стороны, предоставляют культурные ресурсы, которые оказывают влияние на процесс интерпретации нового исторического опыта и на выработку и реализацию культурных и институциональных проектов в условиях модерности. С другой стороны, традиции сами изменяются и реконструируются в процессе поисков ответов на эпистемическую, экономическую и политическую проблематику модерности (Wagner, 2008). «Автономия» (*autonomy*) и «овладение» (*mastery*) составили, используя термин К. Касториадиса, «двойное воображаемое значение» модерности как нового социально-исторического условия человеческого существования (Касториадис, 2003).

В социологии периода «ортодоксального консенсуса», пришедшегося на первые послевоенные десятилетия второй половины XX в., господствовало убеждение, что модернизация, понимаемая как комплексный процесс специфических широкомасштабных структурно-институциональных трансформаций, автоматически ведет к одновременному *освобождению и господству* человека (Wagner, 2009: 250–251). Однако интеллектуальная и социальная история модерности показала, что формирующие ее цивилизационный паттерн базовые культурные ориентации на автономию человека и рациональное овладение им миром служили не только предпосылками и следствиями осуществления друг друга, но и обнаруживали собственную амбивалентность и противоречия в соотношении друг с другом. Модернность изменяется вследствие рефлексии имманентных напряжений, а также интерпретации нового опыта, привносимого непреднамеренными последствиями в разной степени реализуемых проектов модерности. Результатом этого развития

является неизбежное разнообразие культурных и институциональных форм современности и принципиальная открытость ее концептуальной и институциональной истории, вопреки широко известному тезису Ф. Фукуямы о «конце истории» (Fukuyama, 1992).

Кроме различных цивилизационных оснований, как унаследованных из прошлого, так и выработанных самой современностью, на плюрализацию ее форм влияют другие факторы, в том числе борьба и альянсы внутри отдельных обществ, геополитические, геоэкономические и геокультурные констелляции глобального или регионального масштаба, а также креативность социального действия и случайные исторические события (Арнасон, 2012: 25).

Некоторые исследователи стремятся развивать теорию множественных модерностей за рамками цивилизационного анализа, но разделяя общую с ним феноменолого-герменевтическую метатеоретическую ориентацию (как, например, П. Вагнер). Однако для разных современных обществ можно допустить различные цивилизационные констелляции, в которых в разной мере и разным способом сочетаются традиционные и современные цивилизационные компоненты. В одном случае под кажущейся современной инновацией может скрываться более давняя непрерывная цивилизационная традиция (явление, получившее у О. Шпенглера название «псевдоморфоза»), в другом — внешние признаки длительной традиции могут маскировать радикально новые черты цивилизации современности.

Современные общества в цивилизационном измерении представляют собой сочетание: а) унаследованных местных цивилизационных традиций (часто с их собственными предвосхищениями модерна); б) воспринятых в ходе межкультурных контактов культурных и институциональных влияний «других» традиций и реакций на них; в) вырабатываемых и наследуемых собственных или заимствуемых и навязываемых извне артикуляций и видений проблематики цивилизации современности, в том числе приводящих к выдвиганию и осуществлению альтернативных моделей современности. Некоторые образцы современности могут приобретать глобальную значимость в качестве универсальных цивилизационных структурирующих принципов социетальных институтов, но фактически не приводя к культурной унификации и институциональной конвергенции современности. Так, например, либеральная демократия в политической сфере на уровне отдельных обществ и неолиберальная трансформация капиталистической экономики в глобальном масштабе рассматривались до недавнего времени в качестве универсальных моделей организации современности.

Цивилизационные паттерны и общественные формации

Цивилизационные паттерны характеризуют виды деятельности, социальные арены, коллективные идентичности, являющиеся центральными для институционализации артикуляций культурной проблематики. Цивилизационные паттерны, как комбинации культурных моделей и институциональных структур, с одной

стороны, обуславливают, а с другой — кристаллизуют в себе важнейшие аспекты структурирования обществ, такие как:

а) определение способа дифференциации и интеграции сфер общественной жизни;

б) установление основополагающих норм и «долговых обязательств»² для основных институциональных сфер;

в) построение социетального центра и установление его взаимоотношений с периферией (включая степень проникновения центра на периферию и влияния периферии на центр), а также с центрами и перифериями иных социополитических образований;

г) конструирование коллективных идентичностей и определение границ сообществ, включая основания доверия и солидарности внутри и между ними;

д) формирование порядков социальной стратификации и общественного разделения труда;

е) саморепрезентации и стратегии социополитических элит, а также их практики управления³.

Рассмотрим некоторые аспекты цивилизационного структурирования обществ, в особенности российского, несколько подробнее.

Центр и периферия: цивилизационный паттерн имперской России

Для многих исследователей генезис базовых социальных институтов современного российского общества восходит к периоду монгольского завоевания и московской централизации. Согласно Эйзенштадту, в России монгольское завоевание привело к ослаблению автономных ориентаций и структур основных социальных слоев. Сформировавшийся в ходе последующей московской централизации российский цивилизационный паттерн обладал следующими ключевыми характеристиками:

— очень высокая значимость для центральной социополитической элиты ориентации на обладание властью и престижем;

— относительно высокая степень подчинения культурного порядка политическому и относительно низкая степень автономного доступа главных слоев общества к основным атрибутам социального и политического порядков;

— монополизация центром видов деятельности, имевших центральное значение с точки зрения утверждения космического и социального порядков — прежде всего сферы политической деятельности;

2. О понятии «долговых обязательств» социетальных институтов см.: Wittrock, 2000: 37–38; Виттрок, 2002: 144–146. Суть «долговых обязательств» состоит в представлениях и ожиданиях членов общества об ответственности социальных институтов перед данным социумом.

3. Данные аспекты цивилизационного структурирования обществ выделены на основе таких работ, как: (Эйзенштадт, 1999: 57–94; Arnason, 2001: 391–397; Eisenstadt, 2000a, 2003).

— строгое отделение центром доступа к атрибутам космического порядка (спасение) от доступа к каналам воздействия на политику и социальный порядок;

— выделение и поддержание центром обособленности социокультурных арен поустороннего разрешения напряженности между трансцендентным и светским порядками;

— предоставление экономической деятельности возможности оставаться автономной в той степени, в какой она была лишена непосредственного воздействия на центр;

— строгое отделение владения ресурсами, находящимися в распоряжении различных социальных групп, от контроля над их использованием и обменом, который принадлежал центру;

— принудительное разобщение между политически властными элитами, которые были также носителями культурного порядка, особенно в его политических аспектах, различными институциональными элитами и идеологами моделей неполитического культурного порядка, с одной стороны, а с другой — экономическими и образовательными элитами и выразителями солидарности главных аскриптивных (конституируемых на основе кровнородственных и территориально-соседских связей) коллективов;

— строгий контроль за определением целей и самоопределением важнейших групп и широких слоев общества;

— относительная свобода элит в распоряжении ресурсами ради удовлетворения различных собственных желаний и достижения целей, но в той мере, в какой это не влияло на доступ к центральным властным позициям и не имело следствием создание независимых центральных рынков или новых коллективных идентичностей;

— относительная недостаточность классового сознания и классовой организации, присущая всему российскому обществу; узкое в профессиональном и территориальном отношениях самосознание большинства социальных групп;

— несформированность у большинства статусных групп, включая элиты, особого, нормативно санкционированного образа жизни, регулируемого собственными групповыми нормами и символами (Эйзенштадт, 1999: 173–178).

В целом, как отмечает Эйзенштадт, сложившаяся модель отношений между российским имперским центром и периферией характеризовалась низким уровнем автономного доступа и воздействия периферии на центр и относительно высокой степенью проникновения центра в периферию и главным образом «регулирующим и принудительным» характером его политики (Там же: 177). Следует отметить также сильную ориентацию социетального центра на автономию в международных отношениях.

Дальнейшая цивилизационная динамика российского общества в имперский период происходила под влиянием, по меньшей мере, трех факторов: а) возникновения у экономических и образовательных элит автономных культурных ориентаций и стратегий действия, в том числе имевших политическое выражение, ко-

торые не мог предупредить центр; б) ориентации самого центра на осуществление социальных преобразований (модернизации), имевших непредвиденные эффекты и далеко идущие последствия; в) социоструктурных процессов функциональной демократизации и индивидуализации.

Под процессом «функциональной демократизации» нами понимается вслед за Н. Элиасом «растущий властный потенциал масс» (Elias, 1984: 253). Процесс «индивидуализации» трактуется как «высвобождение» индивидов из привычного социального контекста, обусловленное в первую очередь социальной и территориальной мобильностью, и их «реинтеграция» в новые социальные структуры и контексты (Бек, 2000: 189). Индивидуализация в данном контексте не приравнивается к становлению личности, неповторимости и эмансипации, хотя не исключает их (Там же: 190). «Индивидуализации» в подразумеваемом здесь смысле было бы более точным предпослать определение «функциональная», как это сделал Элиас в отношении процесса «демократизации». С цивилизационной точки зрения, важно отметить, что оба отмеченных процесса социоструктурных преобразований — демократизации и индивидуализации — сопровождаются изменением индивидуальных и коллективных опытов и ожиданий, формированием новых моделей идентичности и самопонимания (Бергер, 2008: 16–17).

Советская модель взаимоотношений центра и периферии переняла и усилила некоторые ключевые организационные черты традиционного российского образца, добавив к ним новые. В частности, для нее было характерно сочетание ориентаций а) на крайне высокую степень централизации управления, производства и распределения (аллокации) ресурсов; б) на жесткое ограничение (практически исключение) самоорганизации и автономного доступа периферии (вообще каких-либо автономно организованных социальных групп) к политическому центру; в) на обеспечение для широких слоев населения возможностей индивидуальной социальной мобильности, в том числе включения во властные структуры всех уровней под контролем партийной бюрократии. Однако при рассмотрении советского общества в цивилизационной перспективе сосредоточимся не на отношениях центра и периферии, а на таком аспекте общественного структурирования, как дифференциация и интеграция сфер социальной жизни.

Сферы общественной жизни: советская модель модерности

Концентрированным выражением интерпретативно-институциональной взаимосвязи, конституирующей цивилизационный паттерн, являются культурные интерпретации власти. При этом «культура» и «власть» рассматриваются как «аналитически отдельные, но структурно взаимосвязанные компоненты социальной жизни». Цивилизационные паттерны могут различаться своими способами артикуляции и организации отношения между культурными моделями и структурами власти, а также в масштабе и направлении автономного развития, допускаемого для каждой из этих сторон (Arnason, 2003: 5).

Одним из источников различий между цивилизационными паттернами является преимущественный акцент на одной из трех категорий — богатства, власти или смысла, рассматриваемых как взаимосвязанные, но в то же время в некоторой степени «альтернативные фокусы институционального строительства» (Ibid.: 198–199). Опираясь на концепцию М. Вебера о множественных «миропорядках», Арнасон предлагает интерпретировать категории богатства, власти и смысла, соответствующие конвенциональному трехчастному делению общественной жизни на экономическую, политическую и культурную сферы, как «способы создания мира», т. е. как «особые способы присвоения, переживания и интерпретации мира» (Ibid.: 199).

Многие исследователи усматривают цивилизационную специфику России в том, что власть в ней была и остается главным фокусом институционального строительства, причем с очень высокой степенью допускаемого автономного действия властных структур, принимающего вид «легитимизированного произвола» политико-административных элит (Дука, 2008: 7–28). В. П. Макаренко, Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов описывают этот феномен взаимосвязанными терминами «Русская Власть» и «Русская Система» (Макаренко, 1998; Пивоваров, Фурсов, 1999). В то же время характерное для российской государственной власти отсутствие жесткой зависимости от строго определенных культурных образцов и обладание «большой свободой определять направления развития общества, оказывать влияние на практики и повседневную жизнь населения» может интерпретироваться как признак общества со «слабыми цивилизационными основаниями» (Черныш, 2015: 343).

Согласно Арнасону, советская модель модерности унаследовала от российской империи «не только геополитические ограничения и внутренние структурные проблемы», но, «что более важно, традицию направляемой государством социальной трансформации», которая стала образцом для сталинской «второй революции» в конце 1920-х годов. Эта «революция сверху» явилась решающим моментом в формировании советской модели (Арнасон, 2013: 57; Arnason, 1995)⁴. Однако данный аспект советской модерности больше привязан к имперскому наследию. В цивилизационном измерении советская версия модерности представляла собой сочетание, во-первых, некоторых ключевых компонентов, присущих цивилизации модерности в целом; во-вторых, дореволюционных (до- или раннемодерновых) российских образцов, которые сохранились или были воссозданы в постреволюционных условиях; и, в-третьих, специфических «альтернативных» форм модерности (в том числе тоталитарных), которые выросли из смешения элементов собственной культурной традиции и воспринятых западных субкультур и представляли собой реакцию на западную версию модерности.

Общемодерновый аспект в этой цивилизационной конфигурации составляла ориентация на расширение рационального овладения миром. Компонент анти-

4. В российской социологии концепция советской модели модерна Арнасона уже становилась предметом рассмотрения, напр.: Масловский, 2011; Maslovskiy, 2019.

западной альтернативной модерности был представлен ориентацией на координацию всех сфер общественной жизни, которая бы исключала противоречия, конфликты и соперничество, сопровождавшие развитие западных либерально-капиталистических обществ. Присутствие традиционных досоветских цивилизационных элементов проявлялось менее отчетливо, но занимало все большее место по мере того, как стратегические цели советского государства смещались от всемирной революционной трансформации по направлению к более автаркичному и длительному сосуществованию с капиталистическим миром. Прежде всего это отразилось в саморепрезентациях режима, реабилитирующих целый ряд дореволюционных форм жизни, которые были ярко охарактеризованы в книге Н. С. Тимашева «Великое отступление» (Timasheff, 1946). Эти репрезентации стали более «традиционалистскими» уже в сталинское время в представлениях о месте в российской истории и задачах на международной арене, а также в идеологических проектах формирования «советского человека» и «советского образа жизни» в брежневский период (Арнасон, 2013: 58). В своей совокупности перечисленные цивилизационные компоненты сформировали советскую глобальную версию модерности как «социальную структуру, геополитическую единицу и идеологическую альтернативу» (Там же: 54). Дискуссия о модерности/традиционности советского проекта на основе «цивилизационной» макросоциологии получила интересное освещение в книге М. Дэвид-Фокса, в которой он раскрывает, как советская система переработала наследие Российской империи и развилась в сложную форму модерности (Дэвид-Фокс, 2020).

Социальная структура и коллективные идентичности

М. Вебер продемонстрировал зависимость определенного типа социальной структуры от всеобъемлющего локального цивилизационного контекста. В частности, «классовую» структуру и борьбу в современных промышленно-капиталистических западных обществах Вебер рассматривал как проявление и следствие того особенного направления, которое принял долговременный процесс рационализации в западном «культурном мире» (Вебер, 2006: 13).

Конвенциональным образом социальная структура рассматривается в трех аспектах социальной дифференциации, включающей всю совокупность социальных различий между людьми: сегментарном, стратификационном, функциональном. В предельно обобщенном виде мировая социальная динамика изображается как переход от доминирования одного типа социальной дифференциации к другому: от сегментарного к стратификационному и далее к функциональному (Н. Луман). Данная направленность социально-структурного изменения соответствует переходу от «архаичного» к «традиционному» и далее к «модерному» типу общества. Однако, например, комбинация нации, класса и профессии, являющихся базовыми делениями социальной структуры современного общества, показывает, что в вопросе о соотношении различных модусов социальной дифференциации

внимание следует сосредоточить скорее на специфических переплетениях сегментарного, стратификационного и функционального порядков социальной дифференциации, чем на примате одного из них в какую-либо историческую эпоху (Швинн, 2002; Хан, 2002).

Социальная дифференциация многомерна, даже в том случае, если в эмпирической реальности или в теоретической модели границы различных социальных делений накладываются друг на друга или выводятся одни из других. Такова, например, когерентная и детерминистская конструкция «социального класса» у К. Маркса, которую можно представить в качестве частного случая многомерной концепции социальной стратификации М. Вебера. Последний, как известно, выделял три основания социальной стратификации общества: жизненные шансы, власть, престиж, каждому из которых соответствует определенный вид социальных структур: класс, партия, статусная группа. Данные критерии можно было бы рассматривать как проекции социального неравенства в сферах экономики, политики и культуры соответственно. Однако такой подход может быть последовательно применен, и то лишь отчасти, в отношении обществ с высокой степенью дифференциации и автономии различных институциональных порядков: экономического, политического, культурного, что опять-таки в сравнительно-исторической перспективе выступает лишь одной из специфических конфигураций отношений между основными доменами общественной жизни. Сходство жизненных шансов индивидов, занимающих одинаковые позиции в социальном пространстве, создает «классы» (в веберовском понимании) как социальные категории, обладающие неравным доступом к тем или иным видам общественных ресурсов. Различия стилей жизни, наделяемых разным престижем, конституируют «статусные группы», которые в отличие от «классов» являются реальными, хотя в большинстве своем аморфными, как отмечает Вебер, сообществами. Во взаимодействии индивидов и социальных групп, или их агентов, социальное неравенство проявляется как власть, отношения господства и подчинения. На основе общих «классовых» и/или «статусных» ситуаций могут формироваться «партии» — реальные социальные группы, способные к коллективному действию для реализации разделяемых интересов и убеждений. Подход Вебера важен тем, что он не только утверждает множественность различных относительно автономных — экономического, социального (статусного), политического — порядков стратификации, но и показывает их взаимную обусловленность (Вебер, 1994).

Социальная дифференциация имеет институциональное закрепление (например, в «легальном порядке») и символическое выражение. В своих институционализированных формах социальная дифференциация выступает как система социальной стратификации и общественного разделения труда. Культура, взятая в соотношении с социальной структурой, может быть рассмотрена в трех аспектах: 1) как совокупность определенного рода социально значимых различий, составляющих «культурное» измерение социальной дифференциации наряду с другими (экономическими, политическими) видами благ, капиталов, ресурсов; 2) как

нормативно-ценностный комплекс, обеспечивающий легитимность и институциональную устойчивость систем социальной стратификации и общественного разделения труда; 3) как опыт и интерпретация социальной дифференциации, общественного разделения труда, социального неравенства.

В зависимости от концептуальных представлений исследователей «опыт и интерпретация» могут рассматриваться либо как отличное от социальной структуры автономное аналитическое измерение социального взаимодействия, либо как конституирующий компонент паттернов социальной структуры. Трактовка культуры как «опыта и интерпретации» выходит за рамки традиционного социологического понимания культуры как «норм и ценностей» и особенно важна для цивилизационного анализа. Во-первых, признание автономного/конституирующего характера интерпретативно-символических компонентов социальной жизни подразумевает возможность их не только стабилизирующих, но и трансформирующих эффектов для конкретных социоисторических структур, эти культурные компоненты могут быть источником как длительной исторической устойчивости, так и радикального изменения социальной структуры. Во-вторых, автономистский/конститутивистский тезис не означает культурного детерминизма, признания за культурными диспозициями односторонне направленного детерминирующего характера их воздействия на социальную структуру. Культурные и структурные факторы порозному взаимодействуют, образуя особые конфигурации, в конкретных социоисторических контекстах.

Эйзенштадт выделял цивилизационный аспект конструирования коллективных идентичностей, составляющий наряду с осуществлением и регуляцией власти, а также производством и распределением ресурсов один из базовых компонентов конституирования любого общества. Ядром этого аналитического компонента является символическое и организационное конструирование границ коллективов, а также доверия и солидарности среди их членов (Eisenstadt, 2003: 75). Главным фокусом конструирования коллективных идентичностей является определение критериев членства индивидов в коллективе и атрибутов схожести членов данного коллектива между собой и их отличительности от «других» или «чужих». На основании этих признаков сходства и критериев членства происходит включение или исключение индивидов из числа участников определенных социальных взаимодействий и отношений, в том числе связанных с регуляцией власти, доступом к общественным благам, распределением материальных и символических ресурсов, предоставлением определенных прав.

Конструирование коллективных идентичностей, определение отличительных атрибутов коллективов происходит под воздействием особых *кодов*, или *тем*, укорененных в культурных предпосылках данного цивилизационного комплекса. Эйзенштадт выделяет три основных идеальных типа кодов, вокруг которых формируются коллективные идентичности: это коды а) примордиальности, б) цивилизованности (*civility*) и в) сакральности, или трансцендентности.

Код *примордиальности* фокусируется на таких компонентах, как гендер, поколение, родство, территория, язык, раса и т. п. Конструируемые на этих основаниях коллективные границы воспринимаются как естественно заданные. Код *цивилизации* демаркирует границы коллектива на основе близкого знания имплицитных и эксплицитных правил поведения, традиций, общепринятых социальных рутинных практик, которые рассматриваются как образующие ядро идентичности данного сообщества. Код *сакральности*, или *трансцендентности*, связывает конструирование границ между «мы» и «они» с особым отношением коллективного субъекта к сфере сакрального и возвышенного, будь то «бог», «разум», «прогресс» или «рациональность» (Ibid.: 79–80). Именно код трансцендентности воплощает цивилизационное измерение коллективных идентичностей.

Продвижение и институционализация различных паттернов коллективной идентичности и границ неразрывно переплетается с борьбой за власть и ресурсы — материальные и культурные, или символические. Такая борьба совершается через кооперацию и создание коалиций между различными, часто соперничающими, носителями коллективной идентичности и между другими акторами — «влиятельными лицами», политическими и культурными элитами, представителями экономических групп и социальных классов, лидерами и выразителями солидарности локальных сообществ (Ibid.: 86).

Социальная структура общества складывается под влиянием множества тенденций и факторов, но цивилизационный паттерн задает параметры статусной иерархии общества, в том числе формируя основания коллективных идентичностей не только властных элит, но и широких социальных групп и слоев, наделяя некоторые из них особым символическим статусом, или престижем, как носителей высших «трансцендентных» культурных смыслов и ценностей, артикулируемых элитами. Например, в советской версии модерности, одним из формирующих компонентов которой было (наряду с отмеченными выше «имперским наследием» и «цивилизационным измерением») рабочее движение (Арнасон, 2013: 57), такой базовой коллективной идентичностью провозглашался рабочий класс. «Пролетарская» идентичность рабочего класса имела помимо социально-экономической составляющей отчетливо выраженный «трансцендентный» универсалистский, т. е. цивилизационный, аспект, воплощавшийся в представлении о всемирно-исторической роли пролетариата — своеобразная секулярная версия религиозного мессианства.

Цивилизационное измерение социальных неравенств

Основные тренды изменений социальных неравенств в современных обществах, включая российское, состоят в механизмах включения различных социальных групп в решение значимых для них проблем власти, собственности, престижа и признания. В современных обществах эти тенденции проявляются в возникновении и усилении таких новых форм социальных неравенств, как мобильные,

социокоммуникативные, сетевые, социоэкологические, цифровые неравенства. Условия и ресурсы перехода к модерности в различных обществах были крайне неравными и неравномерными. Часть наиболее развитых стран естественным образом встроилась в поток новой мобильности (Урри, 2012). Переход от аграрного к индустриальному развитию западных обществ-лидеров спровоцировал появление новых форм хозяйственно-экономического, правового, политического и культурного мироустройства. Этот процесс шел рука об руку с социальной эмансипацией внутри многих буржуазных обществ. В ходе их модернизации возникла так называемая эшелонная иерархия стран. Поиски и приобретение ресурсов ведущими национальными государствами привели к обоснованию стратегий цивилизационного, прежде всего экономического, индустриального, военного, политического, обустройства, к разработке и внедрению разносторонних новейших технологий в различных областях. Одновременно формировались новая социальная структура обществ, институты власти, культурная стратификация.

Новая социокультурная конфигурация (цивилизационный порядок) индустриальных обществ неизбежно требовала обеспечения складывающейся экономической, социальной и политической гегемонии, доминирования, превосходства как внутри, так и вне бурно развивающихся западных обществ на рубеже XIX–XX веков. Произошли укрепление и передел мировой колониальной системы. Эти социальные и политические шаги по утверждению нового цивилизационного порядка сопровождались двумя мировыми войнами, политическими и социальными революциями в России и других менее развитых странах. Неизбежны столкновения разных групп интересов, элит, новых выходящих на арену социально-экономических и политических групп (классов). Для объяснения радикальных общественных трансформаций, структурных перемен в современных обществах в рамках складывающихся фигураций и конфигураций на социальном и социальном уровнях требуется смена концептуального аппарата. Такими концептами выступают понятия цивилизационной динамики, цивилизационного порядка, режима цивилизационного порядка и сосуществующих множественных модерностей. Множественность модерностей задается многообразными конфигурациями разворачивающихся, каждая в собственной логике, экономической, политической и культурной сфер общественной жизни в различных контекстах. Арнасон выделяет пять аналитических уровней таких контекстов: национальные государства (уровень отдельных социетальных формаций), исторические регионы (группы стран или обществ, объединяемых на основе накопленного опыта, в частности, как образующие один исторический регион рассматриваются страны Центральной и Восточной Европы [Блоккер, 2009]), цивилизационные комплексы (или в современных условиях — цивилизационные наследия, такие как исламское или конфуцианское), альтернативные модерности (т. е. образцы модерности, конкурирующие за доминирование на глобальной арене, например, коммунизм в XX веке) и, наконец, глобальные модерности (в смысле глобальных констелляций эко-

номических, политических и культурных паттернов модерности) (Arnason, 2006: 191–192).

Понятия цивилизационного порядка и цивилизационной динамики обществ, включающие множественные модерности, позволяют выявить: а) сложные конфигурации на социетальном, региональном и глобальном уровнях; б) конкретные формы модерности разных социальных групп и сообществ, относительно обособленных социокультурно, религиозно, политически, хозяйственно. Цивилизационный порядок общества представляет собой сложившийся корпус форм социальной организации и регулирования культуры, хозяйства и власти. Понятие модерности (современности и/или определенной исторической эпохи) выражает не что иное, как временной диапазон реального присутствия человека, групп и сообществ в конкретно-историческом социальном пространстве. Это поток разнообразных событий, состояний, действий, наполняющих уникальным опытом и культурным содержанием (интерпретацией) текущий период времени, который определяется как настоящее. Конфигурация настоящего включает в свернутом виде моментальность прошлого и длительность будущего. В современности происходит отражение текучести культурного, социального и личностного времени. Именно социальное время в различных формах современности в разных обществах, во-первых, топологически связано с пространством деятельности индивидов, а во-вторых, привязывает их к общественному топосу (месту) их биографии (проживания, работы, семьи и т. д.). Таким образом, формируется индивидуальный и коллективный хронотоп жизненного пути поколений, траектории их образования, занятости, потребления. Режим цивилизационного порядка означает способ социального и культурного включения индивида в ценностно-ролевые структуры, функциональные и институциональные подсистемы общества, сетевые отношения, обеспечивающие легитимный доступ к позициям, статусам, ресурсам, необходимым для самореализации.

Показателем эффективности и успешности режима цивилизационного порядка общества традиционно выступало действие, направленное на созидание, воспроизводство и трансляцию идей и вещей как пространства человеческих отношений. В традиционном обществе из-за дефицитности ресурсов доминировала достаточно простая система цивилизационного (социально-экономического) принуждения к образу жизни, включая участие в производстве и потреблении. В постиндустриальном обществе происходит глубокая трансформация социальной, культурной, трудовой идентификации. Расширяются цивилизационные возможности освоения (мягкого принуждения) к индивидуальному стилю жизни, то есть появляются легальные ресурсы для избирательного присвоения и проживания формы модерности. Важное место занимает в этом процессе информационно-коммуникативная инверсия, или превращение знаково-символического разнообразия в личное пространство идей, вещей и отношений, соответственно, в новые формы проживания социального и личностного времени. Режим цивилизационного порядка любого типа современности действует двояко. Он одно-

временно и упрощает, принуждая индивида к стандартам потребления, и усложняет, обрекая на индивидуальный выбор. Общество потребления как выражение доминирующего тренда в потоках множественных модерностей, с нашей точки зрения, — радикально меняет качество и стиль современной индивидуальной и коллективной жизни. Экономический рост, заданный новыми технологиями, организацией труда и производства, широкая мобильность, включая растущую международную миграцию, индивидуализация создают условия, ресурсы и способы потребления, динамичные конфигурации различных режимов цивилизационного порядка.

Цивилизационные паттерны и социальные конфигурации

Ш. Эйзенштадт подчеркивал решающую роль в процессах интерпретации и институционализации, формирующих, поддерживающих и изменяющих социальные порядки и цивилизационные паттерны, коалиций различного типа — культурных, политических, экономических — элит, связанных с разными сферами социальной жизни. Однако акцент на элитах не дает всеобъемлющей картины социальной структуры обществ. Культурно-институциональную концепцию «цивилизационного измерения» Эйзенштадта Арнасон предлагает дополнить социоструктурным понятием «фигурации», взятым из теории процессов цивилизации Н. Элиаса.

Фигурация характеризуется изменяющимся балансом власти в отношениях между акторами. Как подчеркивает Элиас, важно учитывать не только соотношение сил на данный момент, т. е. статическую характеристику конфигурации, но и градиент власти — динамическую характеристику, показывающую направление смещения баланса власти в сторону господствующих или подчиненных групп. Как уже отмечалось, в качестве доминирующего социоструктурного тренда современных обществ Элиас выделял процесс «функциональной демократизации», состоящий в смещении баланса власти в сторону широких слоев населения (Elias, 1984: 253).

Однако, как отмечает Арнасон, процесс демократизации включает «не только изменяющиеся констелляции власти, но также новые культурные интерпретации власти» (Arnason, 1987: 451). Возникновение и институционализация демократического проекта, прежде всего в ряде западноевропейских и североамериканских обществ, не могут быть сведены к социоструктурной трансформации, вызванной процессом функциональной демократизации, и ее автоматическим последствиям в институциональной сфере. Они должны рассматриваться как избирательная артикуляция культурных предпосылок демократической революции, которые могут быть интерпретированы по-разному. Другим ответом на функциональную демократизацию является развитие все более сложных и всеохватывающих механизмов контроля (Ibid.). Это могут быть тоталитарные механизмы контроля, например, реализуемые в форме диктатуры партии-государства, но могут быть и более мягкие дисциплинарные механизмы «знания-власти» (М. Фуко), комплементарные институтам правового государства, действующим в демократических обще-

ствах. Как подчеркивал Фуко, в современных обществах власть осуществляется во взаимодействии этих двух гетерогенных, несводимых одно к другому начал — институтов государственного права и дисциплинарных механизмов, возрастающих на основе производства, использования и легитимации знания, претендующего быть «наукой» (Фуко, 2005: 56). Как тоталитарные, так и либерально-демократические современные политико-институциональные режимы представляют собой сочетания механизмов контроля обоих видов — юридического закона и дисциплины. Однако в случае тоталитарных режимов ориентация на осуществление власти и контроля над условиями человеческого существования подавляет ориентацию на автономию человека, в особенности в ее индивидуалистических акцентуациях. Также в тоталитарных режимах идеологизированные институты государственно-юридического порядка подчиняют себе дисциплинарные механизмы контроля, поддерживаемые дискурсами социальных, но также всех прочих (психологических, гуманитарных, естественных) видов наук — в той степени, в которой последние реализуются в практиках власти-знания. Тоталитарные проекты и режимы, как и демократические, являются не только одним из ответов на социоструктурный процесс функциональной демократизации, но и особой интерпретацией культурной проблематики демократической революции, что и делает их принадлежащими модерности.

Трансформация цивилизационного порядка

Ядро цивилизационного измерения структурирования современных обществ состоит в обнаружении конфигурации целостной осевой эпохи, определяемой как специфическая иерархия множества динамичных модерностей. Поток непрерывных технологических инноваций, социальных трансформаций, экономических циклов, волнообразных культурных кризисов определяет ландшафт и динамику современных обществ. Многие из них, отмеченные в концепциях модернизации, глобализации, постмодернизации, виртуализации, отходят на задний план, поскольку они лишь усугубляют лихорадочность поиска ответов на ситуативные и стратегические проблемы. Глобальный характер экономических и финансовых потрясений резко повышает цену и риски принимаемых политических и хозяйственных решений. Наблюдается очевидный цивилизационный провал, точнее сказать, перепад от, казалось бы, вполне устойчивой социокультурной матрицы сложившихся типов современного общества «риска», «второго модерна», «потребления», «знания», «креативного действия» к новым формам общественного порядка. Происходит мощная трансформация цивилизационного миропорядка, которая втягивает в свою орбиту максимально большое число участников. Избежать втягивания в новую цивилизационную «воронку» смогут лишь те, кто не вкусил прелестей массового общества, искушений иллюзиями социоприродного господства и наслаждений неутолимого потребления. Они еще на пути к разочарованию в «прогносте». Остальных ждет испытание разного рода трансформациями: упо-

ение всеилием и бессилием политической власти, очарованность могуществом и слабостью транснациональных сетей в экономике и культуре, магия личной воли и безволия, фанатизм веры и безверия.

Таковы приметы цивилизационной конфигурации модерности, во власти которой находится и современное российское общество. Несмотря на сохраняющиеся трактовки одностороннего историзирующего, политизирующего или экономизирующего истолкования цивилизации, складывается ее понимание как процесса, (транс)формирующегося на собственных социокультурных основаниях. Политический и экономический каркас национально ориентированной культуры изменяется в направлении глобально-ориентированных цивилизационных оснований. Потребность в мировом языке, мировой экономике, мировом правительстве, мировой религии, мировом праве, мировой науке, мировом искусстве порождает новейшие противоречия в борьбе за доминирование и признание. Национальные культуры встраиваются в среду постоянно обновляющихся переплетений глобального и локального. В течение XX в. модернизация привела к стагнации и утрате традиционных форм национальных культур и режимов цивилизационного порядка. В начале XXI в. цивилизационная динамика российского общества резко ускорилась и буквально вбросила его в глобальное пространство перераспределения человеческих ресурсов в транснациональных процессах миграции, аутсорсинга, сетевых потоков в бизнесе, политике, науке, образовании, спорте. Все это говорит в пользу новой социокультурной карты мира и цивилизационного сдвига российского общества в направлении новых типов модерности с учетом собственной специфики.

Метаморфозы в социокультурном и цивилизационном развитии российского общества включены в общемировые тренды. Автономия и автаркия социокультурных типов как отдельных локальных цивилизаций подвергается мощному давлению со стороны иерархически выстроенного доминирующего миропорядка. Противоречия осевой эпохи начала XXI столетия выражаются в острой коллизии национализма и космополитизма, либерализма и консерватизма. Разрушение империй в XX в. привело к возникновению новых национальных государств, переделу существовавших национальных государственных, политических и экономических границ отдельных стран, к формированию межгосударственных союзов. Экономические, финансовые, миграционные, информационные потоки в разных регионах мира служат прямым доказательством складывания нового цивилизационного порядка на основе сосуществования разных культур и форм цивилизации. В частности, наблюдаемые типы региональной и глобальной интеграции свидетельствуют о динамичном культурном и цивилизационном обмене.

Заключение

Цивилизационное измерение задает особый вектор исследования традиционных и новейших форм структурирования современных обществ и происходящих

в них трансформаций. Социологическая парадигма цивилизационного анализа и возникшая в ее рамках теория множественных модерностей позволяет объяснить ряд сложных турбулентных процессов, в числе которых технологические инновации, тектонические сдвиги в социальных структурах, экономические циклы, политические коллизии и культурные кризисы. Многие определяющие ландшафт и динамику современных обществ жизненно важные проблемы, безусловно, отражены в известных концепциях модернизации, глобализации, постмодернизации, виртуализации, но, с нашей точки зрения, фрагментарно. В частности, это относится к объяснению и пониманию социоструктурных, институциональных и культурных процессов в дореволюционном, советском и современном российском обществе. Специфика цивилизационных изменений в современных обществах, в том числе и в российском, состоит в формировании новых способов включения/исключения различных социальных групп в решение значимых для них проблем благосостояния, власти, собственности, престижа и признания. Цивилизационная перспектива в социологии акцентирует внимание на множественных формах модерности и конституирующей роли культуры в структурировании современных обществ.

Литература

- Александр Дж., Смит Ф.* (2010). Сильная программа в культурсоциологии / Пер. с англ. С. Джакуповой под ред. Д. Куракина // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 11–30.
- Арнасон Й.* (2012). Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания / Пер. с англ. М. В. Масловского // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 6. С. 18–29.
- Арнасон Й.* (2013). Советская модель как форма глобализации / Пер. с англ. М. В. Масловского // Неприкосновенный запас. № 4. С. 53–76.
- Арнасон Й.* (2016). Переосмысление восточноазиатского модерна / Пер. с англ. Л. Г. Титаренко и А. А. Широкановой // Социологические исследования. № 1. С. 191–200.
- Арнасон Й.* (2017). Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы / Пер. с англ. А. Степанова // Неприкосновенный запас. № 5. С. 37–69.
- Бек У.* (2000). Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- Бергер П.* (2008). Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств — недопонимание и предложения по его устранению // *Воронков В., Соколов М.* (ред.). Социальное неравенство: изменения в социальной структуре: европейская перспектива / Пер. с нем. К. Тимофеевой. СПб.: Алетейя. С. 12–24.

- Блоккер П.* (2009). Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. № 6. С. 18–34.
- Браславский Р. Г.* (2012). Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 6. С. 30–49.
- Вебер М.* (1994). Основные понятия стратификации / Пер. с англ. А. И. Кравченко // Социологические исследования. № 5. С. 147–156.
- Вебер М.* (2006). Предварительные замечания / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд. М.: РОССПЭН. С. 7–18.
- Виттрок Б.* (2002). Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние / Пер. с англ. Л. А. Галкиной // Полис. Политические исследования. № 1. С. 141–159.
- Дука А. В.* (2008). Легитимация произвола как основание функционирования элит // Дука А. В. (ред.). Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (15–16 декабря 2006 года, Санкт-Петербург). СПб.: Интерсоцис. С. 7–28.
- Дэвид-Фокс М.* (2020). Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение.
- Ерасов Б. С.* (ред.). (2001). Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М.: Аспект Пресс.
- Касториadis К.* (2003). Воображаемое установление общества / Пер. с фр. Г. Волковой и С. Офертаса. М.: Гнозис, Логос.
- Лапин Н. И.* (2015а). Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 1: Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. № 4. С. 3–16.
- Лапин Н. И.* (2015б). Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2: Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. № 6. С. 3–17.
- Макаренко В. П.* (1998). Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ.
- Масловский М. В.* (2011). Анализ советской версии модерна в исторической социологии Йохана Арнасона // Социологический журнал. № 1. С. 5–9.
- Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* (1999). Русская власть, Русская система и Русская история: Размышления об исторических предпосылках нашей ситуации // Красные холмы. М.: Городская Собственность.
- Тисельтон Э.* (2011). Герменевтика / Пер. с англ. О. Розенберг. Черкассы: Коллоквиум.
- Урри Дж.* (2012). Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис.

- Фуко М. (2005). Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / Пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб.: Наука.
- Хан А. (2002). Идентичность и нация в Европе // *Козловский В. В., Ланге Э., Харбах Х.* (ред.). Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. С. 268–281.
- Черныш М. Ф. (2015). Цивилизационные основания общества и социальная структура // *Шкаратан О. И., Лексин В. Н., Ястребов Г. А.* (ред.). Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России». С. 341–366.
- Швинн Т. (2002). Социальное неравенство и функциональная дифференциация: возобновление дискуссии // *Козловский В. В., Ланге Э., Харбах Х.* (ред.). Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. С. 245–267.
- Шкаратан О. И. (2015). Россия как евразийская цивилизация // *Шкаратан О. И., Лексин В. Н., Ястребов Г. А.* (ред.). Россия как цивилизация: материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России». С. 12–65.
- Эйзенштадт Ш. (1999). Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А. В. Гордона. М.: Аспект Пресс.
- Arnason J. P. (1987). Figurational Sociology as a Counter-Paradigm // *Theory, Culture, Society*. Vol. 4. P. 429–456.
- Arnason J. P. (1995). The Soviet Model as a Mode of Globalization // *Thesis Eleven*. Vol. 41. № 1. P. 36–53.
- Arnason J. P. (2001a). Civilizational Analysis, History of // *Smelser N. J.* (ed.). *Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam: Elsevier. P. 1909–1915.
- Arnason J. P. (2001b). Civilizational Patterns and Civilizing Processes // *International Sociology*. Vol. 16. № 3. P. 387–405.
- Arnason J. P. (2003). *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden: Brill.
- Arnason J. P. (2010). Interpreting History and Understanding Civilizations // *Joas H., Klein B.* (eds.). *The Benefit of Broad Horizons: Intellectual and Institutional Preconditions for a Global Social Science: Festschrift for Bjorn Wittrock on the Occasion of His 65th Birthday*. Leiden: Brill. P. 167–184.
- Collins R. (2001). Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // *International Sociology*. Vol. 16. № 3. P. 421–437.
- Durkheim E., Mauss M. (1998). Note on the Notion of Civilization [1913] // *Mennell S., Rundell J.* (eds.). *Classical Readings in Culture and Civilization*. L.: Routledge. P. 151–154.
- Eisenstadt S. N. (2000a). The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // *Thesis Eleven*. Vol. 62. № 1. P. 1–21.
- Eisenstadt S. N. (2000b). Multiple Modernities // *Daedalus*. Vol. 129. № 1. P. 1–29.
- Eisenstadt S. N. (2001). The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization // *International Sociology*. Vol. 16. № 3. P. 320–340.

- Eisenstadt S. N.* (2003). The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality and Sacrality: Some Analytical and Comparative Indications // *Eisenstadt S. N.* Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 2. Leiden: Brill. P. 75–134.
- Elias N.* (1984). Interview with Peter Ludes on «Knowledge and Power» // *Meja V., Stehr N.* (eds.). Society and Knowledge. New Brunswick: Transaction Books. P. 251–291.
- Fukuyama F.* (1992). The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press.
- Maslovskiy M.* (2019). The Soviet Version of Modernity: Weberian and Post-Weberian Perspectives // *Russian Sociological Review*. Vol. 18. № 2. P. 174–188.
- Timasheff N. S.* (1946). The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. N.Y.: E. P. Dutton & Company.
- Wagner P.* (2008). Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity. Cambridge: Polity.
- Wagner P.* (2009). Modernity as Experience and as Interpretation: Towards Something like a Cultural Turn in the Sociology of «Modern Society» // *Hedstrom P., Wittrock B.* (eds.). Frontiers of Sociology. Leiden: Brill. P. 247–266.
- Wagner P.* (2010). Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology // *Thesis Eleven*. Vol. 100. № 1. P. 53–60.
- Wagner P.* (2011). From Interpretation to Civilization — and Back: Analyzing the Trajectories of non-European Modernities // *European Journal of Social Theory*. Vol. 14. № 1. P. 89–106.
- Wittrock B.* (2000). Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition // *Daedalus*. Vol. 129. № 1. P. 31–60.

The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies

Ruslan Braslavskiy

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences

Address: Ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, 25/14, Saint Petersburg, Russian Federation 190005

E-mail: r.braslavskiy@socinst.ru

Vladimir Kozlovskiy

Doctor of Philosophical Sciences, Director, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences

Professor, Saint Petersburg State University

Address: Universitetskaya Nabereznaya, 7/9, Saint Petersburg, Russian Federation 199034

E-mail: v.kozlovskiy@socinst.ru

The civilizational approach in contemporary sociology aims at clarifying the relationships between social structure and culture, and institutions and actors. The civilizational dimension of the structuring of societies focuses on uncovering the complex interactions between the civilizational pattern and social structure. The focus is on a historically-defined combination of

interpretive models and institutional frameworks in which the social dynamics of society unfolds. The fundamental premise of civilizational analysis in sociology is the rejection of social or cultural reductionist determinism. The key moments are distinction and autonomy, and are contingent on the interweaving of the structural, institutional, and cultural aspects of social interaction. The basic concepts of the civilizational dimension of structuring societies are (a) the determination of the method of differentiation and integration of the spheres of social life; (b) the establishment of basic norms and “debentures” for the main institutional sectors; (c) the building a social center and establishing its relationship with the periphery; (d) the construction of collective identities; (e) giving order to the formation of social stratification and the social division of labor; and (f) a self-representation and the strategies of sociopolitical elites, and their management practices. The key aspects of the civilizational structuring of social formations are highlighted and considered in the examples of the Imperial and the Soviet periods in the history of Russian society. Contemporary societies in the civilizational dimension are a combination of (a) inherited local civilizational traditions (often with their own anticipations of modernity), then (b) perceived in the course of inter-civilizational encounters with cultural and institutional influences of “other” traditions and reactions to them, and then (c) develop, inherit their own, borrow, or take on imposed-from-the-outside articulations and visions of the problems of modernity civilization, including models of modernity which receive universal meaning and value.

Keywords: civilizational dimension, civilizational patterns, social structure, culture, power, social institutions, elites, multiple modernities

References

- Alexander J. C., Smith Ph. (2010) Sil'naja programma v kul'tursociologii [Strong Program in Cultural Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 11–30.
- Arnason J. P. (1987) Figurational Sociology as a Counter-Paradigm. *Theory, Culture, Society*, vol. 4, pp. 429–456.
- Arnason J. P. (1995) The Soviet Model as a Mode of Globalization. *Thesis Eleven*, vol. 41, no 1, pp. 36–53.
- Arnason J. P. (2001) Civilizational Analysis, History of. *Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (ed. N. J. Smelser), Amsterdam: Elsevier, pp. 1909–1915.
- Arnason J. P. (2001) Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, vol. 16, no 3, pp. 387–405.
- Arnason J. P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*, Leiden: Brill.
- Arnason J. P. (2010) Interpreting History and Understanding Civilizations. *The Benefit of Broad Horizons: Intellectual and Institutional Preconditions for a Global Social Science: Festschrift for Bjorn Wittrock on the Occasion of His 65th Birthday* (eds. H. Joas, B. Klein), Leiden: Brill, pp. 167–184.
- Arnason J. P. (2012) Ponimanie civilizacionnoj dinamiki: vvodnye zamechanija [Making Sense of Civilizational Dynamics: Introductory Remarks]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XV, no 6, pp. 18–29.
- Arnason J. P. (2013) Sovetskaja model' kak forma globalizacii [The Soviet Model as a Mode of Globalization]. *Neprikosnovenny zapas*, no 4, pp. 53–76.
- Arnason J. P. (2016) Pereosmyslenie vostochnoaziatskogo moderna [East Asian Modernity Revisited]. *Sociological Studies*, no 1, pp. 191–200.
- Arnason J. P. (2017) Revoljucii, transformacii, civilizacii: prolegomeny k pereorientacii paradigmy [Revolutions, Transformations, Civilizations: Prolegomena to a Paradigm Reorientation]. *Neprikosnovenny zapas*, no 5, pp. 37–69.
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Tradicia.
- Berger P. (2008) Individualizacija i izmenenie znachenija social'nyh neravenstv — nedoponimanie i predlozhenija po ego ustraneniu [Individualization and Change of the Meaning of Social Inequalities — Misunderstandings and Proposals for Its Elimination]. *Social'noe neravenstvo. Izmenenija v social'noj strukture: evropejskaja perspektiva* [Social Inequality. Changes in Social

- Structure: European Perspective] (eds. V. Voronkov, M. Sokolov), Saint Petersburg: Aleteya, pp. 12–24.
- Blokker P. (2009) Stalkivajas' s modernizacij: otkrytost' i zakrytost' drugoj Evropy [Confrontations with Modernity: Openness and Closure in the Other Europe]. *New Literary Observer*, no 6, pp. 18–34.
- Braslavsky R. (2012) Civilizacionnaja perspektiva v sociologicheskom analize sovremennyh obshhestv [Civilizational Perspective in Sociological Analysis of Contemporary Societies]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XV, no 6, pp. 30–49.
- Castoriadis C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva* [The Imaginary Institution of Society], Moscow: Gnozis, Logos.
- Chernysh M. (2015) Civilizacionnyye osnovaniya obshhestva i social'naja struktura [Civilizational Foundations of Society and Social Structure]. *Rossija kak civilizacija: materialy k razmyshleniju* [Russia as a Civilization: Materials for Reflection] (eds. O. Shkaratan, V. Leksin, G. Yastrebov), Moscow: Mir Rossii, pp. 341–366.
- Collins R. (2001) Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*, vol. 16, no 3, pp. 421–437.
- David-Fox M. (2020) *Peresekaya granitsy. Modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union], Moscow: New Literary Observer.
- Duka A. V. (2008) Legitimacija proizvola kak osnovanie funkcionirovaniya jelit [Legitimation of Arbitrariness as the Basis for the Functioning of Elites]. *Jelity i vlast' v rossijskom social'nom prostranstve* [Elites and Power in the Russian Social Space] (ed. A. Duka), Saint Petersburg: Intersocis, pp. 7–28.
- Durkheim E., Mauss M. (1998) Note on the Notion of Civilization [1913]. *Classical Readings in Culture and Civilization* (eds. S. Mennell, J. Rundell), London: Routledge, pp. 151–154.
- Eisenstadt S. N. (1999) *Revoljucija i preobrazovanie obshhestv: sravnitel'noe izuchenie civilizacij* [Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations], Moscow: Aspekt Press.
- Eisenstadt S. N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*, vol. 62, no 1, pp. 1–21.
- Eisenstadt S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 1–29.
- Eisenstadt S. N. (2001) The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*, vol. 16, no 3, pp. 320–340.
- Eisenstadt S. N. (2003) The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordiality and Sacrality: Some Analytical and Comparative Indications. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*, vol. 2, Leiden: Brill, pp. 75–134.
- Elias N. (1984) Interview with Peter Ludes on "Knowledge and Power". *Society and Knowledge* (eds. V. Meja, N. Stehr), New Brunswick: Transaction Books, pp. 251–291.
- Erasov B. S. (ed.) (2001) *Sravnitel'noe izuchenie civilizacij: Hrestomatija* [Comparative Study of Civilizations: A Textbook], Moscow: Aspekt Press.
- Foucault M. (2005) *Nuzhno zashhishhat' obshhestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76], Saint Petersburg: Nauka.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press.
- Hahn A. (2002) Identichnost' i nacija v Evrope [Identity and nation in Europe]. *Sovremennaja nemeckaja sociologija: 1990-e gody* [Contemporary German Sociology: The 1990s] (eds. V. Kozlovskiy, E. Lange, H. Harbach), Saint Petersburg: M. M. Kovalevsky's Russian Sociological Society, pp. 268–281.
- Lapin N. (2015) Fundamental'nye cennosti civilizacionnogo vybora v XXI stoletii. Chast' 1. Chelovecheskaja civilizacija pered vyborom konfiguracii fundamental'nyh cennostej [The Fundamental Values of Civilizational Choice in the Twenty-First Century. Part 1: Human Civilization Before Contingency Configuration Choice of Fundamental Values]. *Russian Studies in Philosophy*, no 4, pp. 3–15.

- Lapin N. (2015) Fundamental'nye cennosti civilizacionnogo vybora v XXI stoletii. Chast' 2. Aksiologicheskie predposylki civilizacionnogo vybora Rossii [The Fundamental Values of Civilizational Choice in the Twenty-First Century. Part 2: Axiological Assumptions of Civilized Choice of Russia]. *Russian Studies in Philosophy*, no 6, pp. 3–17.
- Makarenko V. (1998) *Russkaja vlast' (teoretiko-sociologicheskie problemy)* [Russian Power (Theoretical and Sociological Problems)], Rostov-on-the-Don: SKNC VSh.
- Maslovskiy M. (2011) Analiz sovetsoj versii moderna v istoricheskoj sociologii Johana Arnasona [The Analysis of the Soviet Version of Modernity in Johann Arnason's Historical Sociology]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 5–9.
- Maslovskiy M. (2019) The Soviet Version of Modernity: Weberian and post-Weberian perspectives. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 2, pp. 174–188.
- Pivovarov Y., Fursov A. (1999) *Russkaja vlast', Russkaja sistema i Russkaja istorija: Razmyshlenija ob istoricheskikh predposylkah nashej situacii* [Russian Power, the Russian System and Russian History: Reflections on the Historical Background of Our Situation]. *Krasnye holmy*, Moscow: Gorodskaja Sobstvennost'.
- Schwinn T. (2002) Social'noe neravenstvo i funkcional'naja diferenciacija: vozobnovlenie diskussii [Social Inequality and Functional Differentiation: Renewing the Debate]. *Sovremennaja nemeckaja sociologija: 1990-e gody* [Contemporary German Sociology: The 1990s] (eds. V. Kozlovskiy, E. Lange, H. Harbach), Saint Petersburg: M. M. Kovalevsky's Russian Sociological Society, pp. 245–267.
- Shkaratan O. (2015) *Rossija kak evrazijskaja civilizacija* [Russia as a Eurasian Civilization]. *Rossija kak civilizacija: materialy k razmyshleniju* [Russia as a Civilization: Materials for Reflection] (eds. O. Shkaratan, V. Leksin, G. Jastrebov), Moscow: Mir Rossii, pp. 12–65.
- Thiselton A. (2011) *Germenevtika* [Hermeneutics], Cherkassy: Kollokvium.
- Timasheff N. S. (1946) *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*, New York: E. P. Dutton & Co.
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities], Moscow: Praxis.
- Wagner P. (2008) *Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity*, Cambridge: Polity.
- Wagner P. (2009) Modernity as Experience and as Interpretation: Towards Something like a Cultural Turn in the Sociology of "Modern Society". *Frontiers of Sociology* (eds. P. Hedstrom, B. Wittrock), Leiden: Brill, pp. 247–266.
- Wagner P. (2010) Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology. *Thesis Eleven*, vol. 100, no 1, pp. 53–60.
- Wagner P. (2011) From Interpretation to Civilization — and Back: Analyzing the Trajectories of non-European Modernities. *European Journal of Social Theory*, vol. 14, no 1, pp. 89–106.
- Weber M. (1994) Osnovnye ponjatija stratifikacii [Basic Concepts of Stratification]. *Sociological Studies*, no 5, pp. 147–156.
- Weber M. (2006) Predvaritel'nye zamechanija [Preliminary Remarks]. *Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Moscow: ROSSPEN, pp. 7–18.
- Wittrock B. (2000) Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. *Daedalus*, vol. 129, no 1, pp. 31–60.
- Wittrock B. (2002) *Sovremennost': odna, ni odnoj ili mnozhestvo? Evropejskie istoki i sovremennost' kak vseobshhee sostojanie* [Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition]. *Polis: Political Studies*, no 1, pp. 141–159.